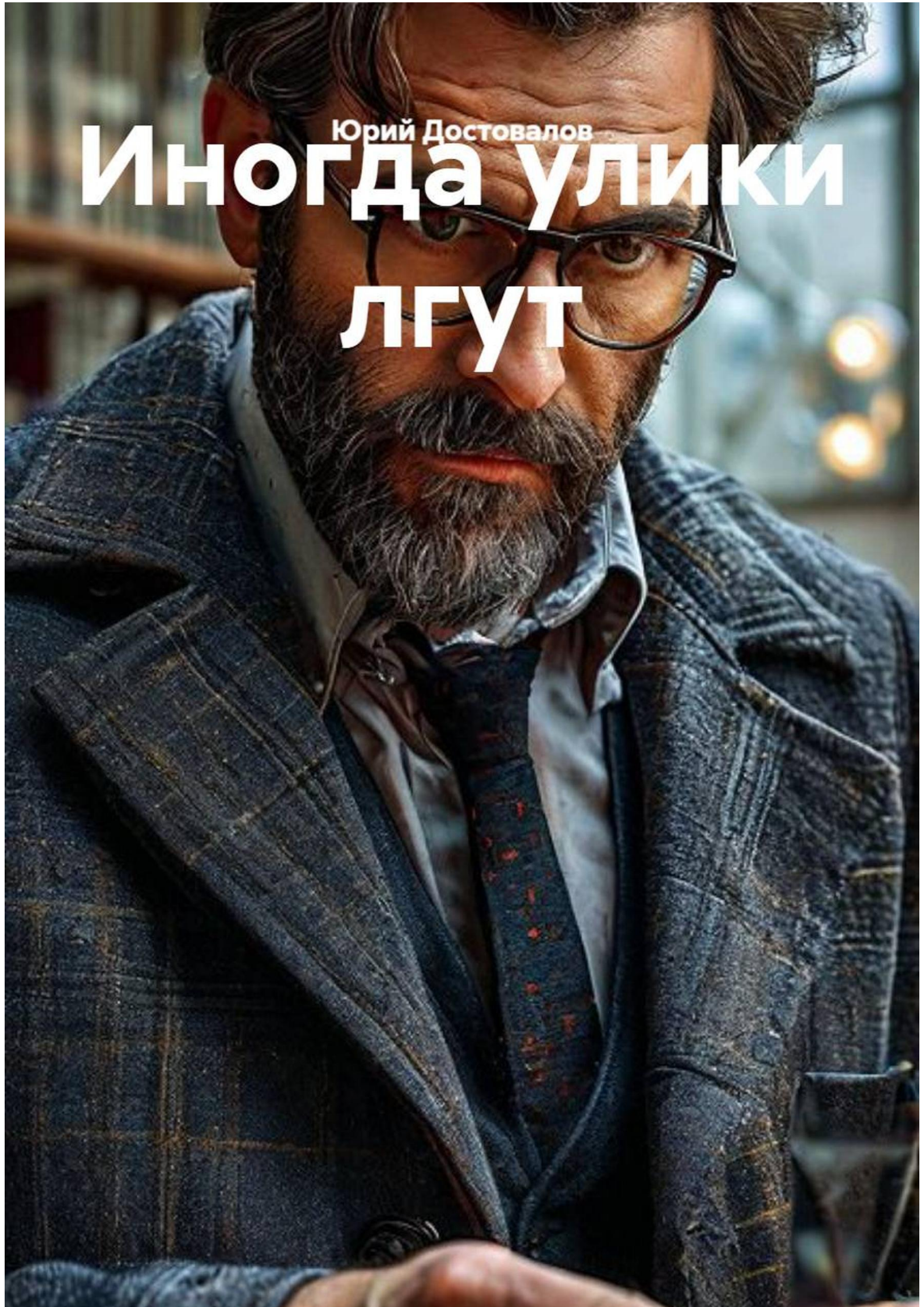

A close-up portrait of a man with a grey beard and glasses, wearing a dark, textured jacket over a light-colored shirt. He is looking slightly to the right with a serious expression. The background is blurred, showing what appears to be a library or study with bookshelves and warm lighting.

Юрий Достовалов

Иногда улики лгут

Юрий Достовалов

Иногда улики лгут

«Автор»

2026

Достовалов Ю. Н.

Иногда улики лгут / Ю. Н. Достовалов — «Автор», 2026

Он – эксперт-криминалист. И не должен вмешиваться в ход следствия, тем более вести его. Но что делать, если ему дано видеть истину, а очевидные на первый взгляд улики рушатся, как карточные домики, под скальпелем его острой, всесокрушающей логики?

© Достовалов Ю. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Юрий Достовалов

Иногда улики лгут

Глава

Юрий ДОСТОВАЛОВ

Улики часто лгут

Несколько дел из практики эксперта-криминалиста

Дело первое. Лебединая песня

1

Старший эксперт-криминалист одного из столичных управлений внутренних дел Всеволод Лобов вернулся с работы около десяти часов вечера. Октябрьский день выдался хлопотливым, пришлось выезжать на три преступления. Вдобавок погода стояла жуткая – дождь, ветер. Неудивительно, что после такого денечка тупым отдаленным звоном начинала болеть голова.

Лобов знал: если срочно не принять пару таблеток пенталгина, уснуть не удастся, а наутро он встанет весь измученный, с жуткой головной болью и практически не способный к работе. Он принял горячий душ, улегся в постель, попросил жену подать ему лекарство и стакан воды.

Ирина присела на край кровати, подала таблетки и воду. Лобов приподнялся, выпил и ласково погладил жену по руке:

– Ты мой спаситель...

– Не святотатствуй, Лобов! У нас один Спаситель. Но это не я. Я всего лишь врач, – ответила она и поцеловала его.

– Но какой врач! – Лобов в который раз с гордостью подумал о том, что его жена, психотерапевт, недавно согласилась работать в группе известного в столице профессора-психоневролога Адамцева, который, в противовес модным психоаналитическим направлениям в психиатрии, настойчиво и весьма результативно разрабатывал новую методику лечения больных. Ирина знала, что работа будет не очень денежной, но тем не менее согласилась работать с Адамцевым: очень ценила и уважала его как принципиального ученого и честного человека.

– Врач как врач, – Ирина поднялась и направилась на кухню. – Отдохни немного, – и закрыла дверь комнаты.

Да, отдохнуть, расслабиться, может, даже подремать. Лобов знал, что это непременно поможет, вот только надо полежать с полчаса, закрыв глаза...

И он даже заснул на какой-то миг, по крайней мере, в мозгу успели пронестись какие-то отрывочные, бессвязные сны.

... И вдруг раздался резкий, пронзительный телефонный звонок. Лобов вздрогнул и проснулся. «Сколько раз собирался установить другой сигнал», – подумал он и потянулся к трубке. Вошла Ирина и сказала:

– Тебя Сырцов к телефону.

Лобов скривился в мучительной гримасе и шутливо простонал:

– Ну что за работа, Ирина! Они меня сделают инвалидом.

– Я тебя вылечу, – она подошла к нему и погладила по голове: – Поговори, работа есть работа. Не ной.

– Ну, коли так ... – он снял трубку: – Лобов слушает.

Через секунду-другую он понял, что поспать этой ночью вряд ли удастся. Положил трубку, поднялся и, скорчив кислую детскую рожицу, указал на телефон:

– Вот! Говорил ведь, доведут!

– Как твоя голова? – спросила Ирина.

– Спасибо. Твоими молитвами, – и поцеловал жену.

– Что случилось?

– Самоубийство. Писатель Купцов повесился.

– Купцов?!

– Да, он самый, – Лобов указал на книжную полку, где выстроились в ряд около двадцати книг его любимого автора. – Сейчас Сырцов заедет за мной. Это, видимо, надолго. Извини. В который раз говорю тебе это. Не знаю, простишь ли...

– Да уж, придется ложиться в холодную постель, – хитро улыбнулась Ирина.

– Ничего подобного! Она согрета моим горячим сердцем!

– Собирайся, балабошка! – жена распахнула платяной шкаф и протянула ему костюм...

Когда Лобов спустился вниз и вышел из подъезда, он увидел резкий свет автомобильных фар – подъезжала оперативная бригада.

– Готов? Хорошо, садись побыстрее, – кивнул ему с переднего сиденья следователь Сырцов. – Ехать недалеко. Писатель не любил центр и жил поблизости.

Лобов открыл дверцу салона «газели» и протиснулся на свободное место: кроме него, на место происшествия ехали оперуполномоченный, врач-судмедэксперт, два милиционера.

– Это случай наверняка простой, так что мороки для тебя не будет, – обернулся к Лобову Сырцов. – Осмотрим, подпишем заключение о самоубийстве, отправим труп и вернемся баиньки.

«Дай Бог, чтобы так и было», – подумал Лобов и стал смотреть в окно на непрекращающийся нудный, мелкий осенний дождь...

Они поднялись в грузовом лифте на пятый этаж обычного панельного двенадцатизатяжного дома. От площадки у лифта квартиры были плотно ограждены массивной металлической дверью, обитой красивым коричневым дерматином с золотистыми заклепками. Они позвонили в нужную квартиру.

Когда дверь открыла заплаканная женщина в бархатном домашнем халате, Лобов чуть не вскрикнул от удивления: перед ним стояла известная актриса Ольга Веснянская! Несмотря на отсутствие грима и весьма непрезентабельный вид, Лобов сразу узнал ее. Еще пару недель назад они с женой видели ее в премьерке шекспировского «Макбета» в роли леди Макбет. Удивительно: на том спектакле Лобов, пожалуй, впервые столкнулся лицом к лицу с откровенным, неумолимым злом. По роду своей работы он сталкивался лишь с последствиями зла, а тут – на тебе! Откровенное зло собственной персоной! Конечно, и в его почти полувековой жизни были свои горести и встречи с малоприятными людьми, но чтобы вот так откровенно...

Он помнил, как всем нутром почувствовал тогда, как по зрительному залу разлилась леденящая оторопь. Это произошло, когда Веснянская жутким, загробным голосом выбросила в лицо зрителям: «Руки у меня того же цвета, что твои, но, к счастью, не столь же бледно сердце...» И потом: «Победе грош цена, коль не дает нам радости она. Милей судьбой с убитым поменяться, чем страхами, убив его, терзаться!»...

И вот перед ним эта великая актриса! У нее горе, но она настолько сильна, что сумеет преодолеть его, обязательно сумеет... Но только почему она здесь?

– Проходите, – пригласила Веснянская и словно ответила на немой вопрос Лобова: – Я жена писателя Валериана Константиновича Купцова. Покойного писателя... Так что вернее – вдова... – ее голос дрогнул, она поднесла к глазам носовой платочек, который, как заметил Лобов, уже был изрядно влажным. – Простите меня...

Оперативники вошли в прихожую квартиры. Они, конечно, видели всякое, но даже то, что увидели сейчас, заставило многих потупить глаза. Лобов не потупил и внимательно рассматривал висящего на толстом электропроводе, прикрепленном к крюку люстры, писателя Купцова. Он много раз видел его по телевизору, дважды был на творческих встречах Купцова с читателями и сейчас едва узнал его. Язык вывалился и посинел, руки свисали вялыми плетями, все тело обмякло и замешковело как-то. Лобов прикоснулся к руке покойного – холодная.

– С вашего позволения пройдемте на кухню, Ольга... – запнулся Сырцов.

– Ольга Леонтьевна, – подсказала ему вдова. – Конечно, прошу вас.

– Ребята, приступайте, – сказал коллегам следователь и прошел за хозяйкой на кухню. Сотрудники разбрелись по комнатам и принялись за свою работу. Врач готовился к осмотру трупа, оперуполномоченный осматривал квартиру, два милиционера встали у двери – один внутри, другой – снаружи, на площадке. Лобов извлек из кофра фотоаппарат и сфотографировал висящее тело. Потом помог врачу и милиционеру вынуть труп из петли и положить тело на полу в спальном комнате. Врач склонился над покойным и начал осмотр.

Лобов внимательнее осмотрел прихожую и увидел в дальнем ее углу табурет – он, видимо, служил опорой Купцову, которую тот в последний момент оттолкнул от себя. Лобов сфотографировал табурет и часть стены и пола возле него. Какое-то смутное чувство на секунду-другую отвлекло его внимание, но он не отдал себе в нем отчета и принялся снимать отпечатки пальцев.

На кухне тем временем Сырцов слушал Веснянскую.

– Я вернулась домой в половине одиннадцатого, – рассказывала она, время от времени поднося платочек к оплывшим глазам. – И увидела такое... такое... – она судорожно всхлипнула и вновь уткнулась в платочек.

– Я вам искренне сочувствую... – начал было Сырцов, но Веснянская преодолела себя и по возможности спокойно остановила его:

– Благодарю... Я актриса, умею владеть собой... Сейчас это пройдет, – она еще несколько раз провела платочком по глазам и даже попробовала улыбнуться. Правда, улыбка получилась вымученная, неестественная.

– Извините, я закурю, – она вытянула сигарету из пачки «Бенсон энд Хеджес», чиркнула зажигалкой и глубоко затянулась.

– Вы вернулись после спектакля? – поинтересовался Сырцов.

– Нет, сегодня спектакля не было. Я навещала друзей. Мы люди открытые, общительные, у нас много знакомых... У нас... – горько усмехнулась она. – Теперь – только у меня...

– И увидели мужа, – не давая ей возможности вновь расчувствоваться, продолжал Сырцов. – Что вы сделали первым делом?

– Первым делом я, разумеется, остолбенела, как вы понимаете. Все мысли вмиг покинули меня. Кажется, я прислонилась к косяку, забыв даже закрыть дверь. Потом, помнится, мелькнула мысль: «А как же теперь? Столько лет вместе – и что?». Потом опомнилась, поняла: надо что-то делать. Схватила Валериана за руку – она уже остыла. Попробовала нащупать пульс – какой там пульс... Провела сеанс аутотренинга – знаете, каждый актер должен уметь это делать... Понемногу пришла в себя и позвонила в милицию.

– Ольга Леонтьевна, скажите, какие причины были у вашего супруга так поступить? – спросил Сырцов.

– Причины? – удивилась Веснянская. – Неуместно говорить о причинах. Хотя бы потому, что их нет. И никогда не было. Купцов – знаменитый, хорошо оплачиваемый писатель, любимец миллионов читателей. Можно сказать, Сименон нашего времени! Какие могут быть причины!

– Ну хорошо, тогда такой вопрос. Не замечали ли вы у него в последнее время каких-либо... ну, как бы это помягче...

– Я понимаю, – кивнула актриса. – Психических отклонений, хотите вы сказать?

– Да, что-то вроде этого, – согласился Сырцов.

– Существует, конечно, точка зрения, что все гении немного чокнутые, – возразила Веснянская. – Но к покойному это никак не относилось. Просто потому, что Купцов не был гением. Он был большим талантом. И вполне здоровым, нормальным человеком. Как вы думаете, под силу помешанному написать такую кипу мастерских книг? А ведь он так и кипел идеями. Не успев окончить книгу, набрасывал план другой, третьей...

– М-да, – промычал следователь. – Ну, одним словом, вы позвонили в милицию. А потом?

– Потом... Как чувствует себя мать, на глазах которого убили ее ребенка? Примерно это же испытывала я. Купцов был для меня и отцом, и ребенком одновременно. Он был для меня всем... Что я делала? Да ничего не делала. Курила, плакала... Ничего из вещей не трогала, все оставила как есть...

– Успокойтесь, Ольга Леонтьевна, – Сырцов поднялся и добавил: – Мне нужно опросить соседей...

– Соседей? – удивилась вдова. – А они-то здесь причем?

– Мало ли... В данных обстоятельствах мы обязаны опросить соседей хотя бы по этажу.

– Тогда только ближняя по площадке квартира.

– Пойдем со мной, – обратился Сырцов к Лобову, внимательно рассматривающему какой-то тюбик. – Что это?

– Вазелин, – ответил Лобов. – Им была смазана веревка.

– Я-а-а-сно, – протянул следователь. – Ну ладно, оставь пока. Опросим свидетелей. И ты с нами, – кивнул он оперативнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.